

С. К. БЕЛЫХ, В. В. НАПОЛЬСКИХ (Ижевск)

ЭТНОНИМ *удмурт*: ИСЧЕРПАНЫ ЛИ АЛЬТЕРНАТИВЫ?

Этимологизация этнонимов — дело крайне неблагодарное. Надежному объяснению поддаются лишь те из них, относительно обстоятельств появления которых имеются прямые исторические свидетельства (как, напр., *русский*, *българин*, *française*), либо не потерявшие связь с первоначальным нарицательным значением (*norsk*, *karjalainen* etc.). В других случаях перед исследователями встают трудноразрешимые проблемы — в частности, именно так обстоит дело с самоназванием удмуртов.

Слово *удмурт* состоит (по общему признанию ученых и согласно восприятию носителей языка) из двух частей. Этимология второй части сомнений не вызывает: удм. *murt* 'человек, чужой', коми *mort* то же, мордЭ *mird'e*, мордМ *mird'a* 'мужчина, муж' < ф.-перм. **mertä* < индоиран. **mṛta-* авест. *marata* 'человек, смертный', перс. *mard* 'человек' (UEW 702). Относительно же первой части предложено немало гипотез, порой самых фантастических: удм. *ud-* связывается с названиями рек *Уд*, *Уда* (притоки Ангары), отсюда — *Удская* волость и *Удский* острог, далее — река *Уда* (Охотское море), оз. *Удыль* (Приморье), *удэге* (самоназвание народа), *удынкан* (название рода нанайцев) и т.д. (Генинг 1970 : 206); удм. *ud-* < булг. (чув.?) *Ваты*, удм. *Ватка* (название реки Вятки) > **wat-murt* > **ud-murt* (Гордеев 1965 : 26). Ф. И. Гордеев, очевидно, переработал свою гипотезу: позже он выводит этноним *удмурт* уже из названий рек *Уть* и *Утка* (бассейн Вятки) (1967 : 192). Однако первоначальную его точку зрения взяли на вооружение некоторые исследователи (см. Владыкин 1970 : 39; Владыкин, Христолюбова 1991 : 13).¹ Эти же авторы создали «историческую традицию», по которой название удмуртского племени *Ватка* (связанного с названием реки Вятки) упомянуто братом Юлианом как страна *Ведин* и в «Повести о гибели земли Русской» — как народ *веда* (Гришкина, Владыкин 1982 : 11). Имена эти ни к племени *Ватка*, ни к удмуртам вообще прямого отношения не имеют, они отражают старое мордовское название чувашей *ветьке*, *ведень* (Мокшин 1978 : 281—282; Закиев 1985 : 44—45).

«Классическое» объяснение этнонима *удмурт* было предложено К. Редеем (Radanovics 1963 : 102—104): для *ud-* он предполагает значение 'луг' и объясняет *удмурт* как 'луговой человек'. Эту гипотезу поддержал В. И. Лыткин (1964 : 61—62), который вслед за авторами SKES указал на параллели к пермско-марийскому **ont-* 'росток, всходы' (SKES 111).

Следует, однако, отметить, что значение 'луг, луговой' для удм. *уд* не

зафиксировано ни в одном диалекте и ни в одном источнике: слово переводится исключительно как 'росток, побег, отпрыск, поросль, всходы, распада' (УРС 441; Борисов 1991 : 296). Важно, что финно-угорские параллели также не дают оснований реконструировать значение 'луг, луговой' для рассматриваемого слова: семантика их на редкость специфична и единообразна ('прорасти, всходить, расти' > 'росток, всходы, поросль, всход'). Эти соображения заставляют отнестись к этимологии Редей—Лыткина с осторожностью: «Da die Bedeutung 'Wiese' für wotj. *ud* nicht belegt ist, kann man der Etymologie von Radanovics nur mit Vorbehalt zustimmen» (Décsy 1965 : 239); «Поэтому весьма вероятно, что источник слова *удмурт* следует искать не в вышеупомянутом пермском нарицательном существительном, а в каком-то древнем и ныне уже плохо поддающемся этимологизации этнониме» (Хайду 1985 : 61).

Впрочем среди удмуртских ученых гипотеза Редей—Лыткина стала популярной (см., напр. ОФУЯ 1976 : 101; Тараканов 1993 : 8; Кельмаков 1970 : 189).

Видимо, столь положительная реакция побудила К. Редей еще раз изложить свою гипотезу в UEW. Он справедливо отрицает сопоставление удм. *уд* 'росток' с прибалтийско-финскими, саамскими и хантыйскими словами, приведенными в SKES — они восходят к форме *itä, в то время как удм. *-d- < *-nt-* (UEW 85—86). Мар. *odar* 'поросль, побег', коми *od* 'весенняя зелень на лугах' и первый элемент самоназвания *удмурт* возводятся им к прафинно-пермскому *antz/**ontz* 'молодая трава, побег, поросль', возводимому в свою очередь к «раннеиндоиранскому» (urarische) **ándha-* 'трава, зелень, побег сомы, сок сомы' (UEW 607). Странно, однако, что в словарной статье не упомянуты ни удм. *уд* 'росток, поросль, всходы', ни удм. *уданы* 'прорасти, всходить': по-видимому, семантика этих слов не устраивает автора, так как не укладывается в его гипотезу о происхождении слова *удмурт*. Данный вывод напрашивается еще и потому, что в словарной статье приведены удм. (S) *ud-ńań*, (K) *urt-ńań* 'озимые'. На самом же деле дм. (S, M, U) *udńań*, (B) *urđńań*, (M, U) *urńań* 'лепешка (ватрушка?) из кислого ржаного теста' (Wichmann 1987 : 290; Борисов 1991 : 297; УРС 442). Приведенное же у Б. Мункачи значение для (только!) (K) *urńań* 'озимые' (Munkácsi 1896 : 90, 113) является скорее всего ошибкой: словом *нянь* в удмуртском языке обозначается хлеб как продукт питания ('Brot'), а не хлеб в зерне или жито ('Getreide, Korn'), который по-удмуртски называется *ю* ('хлеб' в целом — *ю-нянь*) (УРС 311, 527), следовательно, употребление слова *нянь* для обозначения озимых едва ли возможно: для этого значения в словарях есть слово *d'žeg-ud* букв. 'поросль ржи' (Wichmann 1987 : 290). Во всяком случае, для (S) *udńań* и у Б. Мункачи дается 'лепешка' (Munkácsi 1896 : 90).

Безусловно, значение 'озимые' было бы полезнее для гипотезы Редей—Лыткина, чем 'лепешка'! Ведь приведенные в UEW материалы (индоиранские истоки *antz) опять-таки не позволяют предполагать значение 'луг' для удм. *уд*.

Гипотетическое значение 'луговой человек' для слова *удмурт* К. Редей объясняет особенностями природного окружения удмуртов (воображаемое изобилие лугов — ?), отсюда же выводится и название 'луговые марийцы' (UEW 607).

В статье археолога А. Г. Иванова названию *луговые люди* уделено особое внимание: в качестве дополнительного доказательства гипотезы Редей—Лыткина он приводит жалованную грамоту Ивана IV новокрещенным вотя-

кам Сырьянской волости Слободского уезда от 25 февраля 1557 года, где удмурты (отяки) прямо названы луговыми людьми. По мнению А. Г. Иванова, это буквальный перевод на русский язык самоназвания *удмурт*, которое еще в XVI веке якобы сохраняло свое нарицательное значение (1991 : 190). Автор полагает, что луговыми людьми удмурты назывались потому, что их исконным местом расселения было левобережье Волги (Ветлужско-Вятское междуречье) — луговая сторона (1991 : 190) — ср. луга и леса у К. Редей.

Как К. Редей, так и А. Г. Иванов не учитывают того факта, что выражение *луговая сторона* или *луговой берег* является в русской традиции почти нормативным географическим термином: «Луговая сторона, луговой берег (противоположное — горная сторона, или горы): низменный поемный берег рек, таловая сторона» (Даль 1989 : 271). Случаю же с упомянутой жалованной грамотой было дано объяснение более 100 лет назад: «царь с большим сочувствием отнесся к ходатайству вотяков и предоставил им право звать в свою слободу и других вотяков с луговой стороны» (Смирнов 1890 : 63) — слободские удмурты, очевидно, жили на левом, луговом берегу Вятки, где живут и по сей день. Употребление этих терминов для обозначения народов в русских источниках не исчерпывается луговыми и горными марийцами: еще в XV—XVI вв. горными татарами или горными черемисами называли чувашей (Чуваши 1956 : 9; Егоров 1953 : 67). Таким образом, *луговые люди* в русских документах не только не перевод самоназвания удмуртов, но и не этноним вообще.

Принципиальное значение имеет и то обстоятельство, что марийцы, контактировавшие с удмуртами безусловно гораздо раньше русских и лучше знакомые с их языком, при заимствовании самоназвания перевели на марийский язык лишь второй его компонент, понятный и самим удмуртам: мар. *одо-мари*, древнеудм. **odz-mort* букв. 'человек одо' — и никогда не называли удмуртов луговыми людьми.

Таким образом, ни этимология удм. *уд* 'росток', ни данные русских источников и марийской этнонимии, ни, наконец, восприятие слова *удмурт* самими удмуртами (см. многообразие его фонетических вариантов (*ud-*, *uk-*, *urt*), едва ли возможное при восприятии первого компонента как нарицательного *уд* 'росток'), не позволяют восстанавливать для самоназвания удмуртов значение 'луговой человек'. Этимология Редей—Лыткина является по сути народной, основанной, как любят выражаться ее сторонники, на «внешнем созвучии», «словесной игре, случайном совпадении формы слов» (Иванов 1991 : 189; Кельмаков 1970 : 191) и произвольных домыслах относительно их значения.² По-видимому, главной причиной, обеспечивающей ее распространенность, является лишь то обстоятельство, что до сих пор не было предложено сколько-нибудь достойной альтернативы.³ Выдвигая здесь новые этимологии самоназвания удмуртов, мы далеки от претензии на окончательное решение проблемы: основной нашей целью является показать возможность иных его толкований.

Прежде всего имеет смысл установить, относительно каких групп удмуртов этноним удм. *удмурт*, мар. *одо-мари*, рус. (*в*)*отяк* применялся прежде всего, где можно с уверенностью локализовать этот этноним в наиболее ранние периоды его фиксации.

По-видимому, рус. *вотяк* — *отяк* < **ot-jak* < **ot* (ср. в старых источниках *оты*, *отынь* (UEW 607)) действительно является заимствованием из мар. *одо* 'удмурт' (Фасмер 1986 : 359), а не непосредственно из удмуртского. В русских до-

кументах это слово впервые упоминается при описании событий, связанных с походом Ивана III на Казань в 1469 г., как *Вотятцкая земля*, подвластная казанскому хану Ибрагиму. В «Истории о Казанском царстве» (1564—1566 гг.) отяки упомянуты среди народов, его населявших, рядом с чувашами, черемисами и мордвой, там же они именуются «черемиса, зовомая отяки» (Сысоева 1967 : 302—303), все это указывает на регион Казанского Поволжья — Нижнего Прикамья как на место первых документально зафиксированных контактов русских с удмуртами (носителями самоназвания *удмурт*). Любопытно, что при описании покорения Москвой Вятки в 1489 г. русские источники не упоминают (в)отяков, говоря только об арянах и арских князьях (Гришкина, Владыкин 1982 : 17—18), т.е. о каринских татарах, выходцах из Арской земли (Мухамедова 1978 : 7—10). Если под арянами здесь и имеются в виду какие-то группы северных удмуртов (Гришкина, Владыкин 1982 : 19—20), чему, впрочем, нет доказательств, то важно, что их не называют в данном случае (в)отяками. Термин *вотяки* употребляется по отношению к северным (нижнечепецким) удмуртам впервые, по-видимому, лишь в документах 1521 (Мухамедова 1978 : 9) — 1522 гг. (Гришкина, Владыкин 1982 : 20), когда к части местного населения (возможно — к бесермянам) начинает применяться термин *чуваши* (с 1511 г. (Мухамедова 1978 : 9)), явно принесенный сюда из Казанского Поволжья.

Эти материалы, безусловно, не могут быть прямыми свидетельствами того, что северные удмурты в конце XV века еще не называли себя *удмурт*: речь идет лишь о том, что рус. *вотяк* имеет южное происхождение и первоначально относилось к южным, юго-западным, возможно — завятским (кукморским, шошминским и др.) удмуртам. Такой вывод согласуется с предположением о марийском происхождении рус. (в)от(як). Любопытно, однако, что в русских источниках «северного» происхождения (а продвижение русских на восток происходило на Севере раньше, чем в Поволжье) (в)отяки не упоминаются. Даже там, где, казалось бы, этого следует ожидать, например — в житии св. Стефана Пермского (1396—1398 гг.) слово (в)отяк или другие производные от *удмурт* отсутствуют на фоне прекрасного знания автором географии Камско-Вычегодского края. Не свидетельство ли это, что название *удмурт* в XIV в. еще не было распространено среди северных удмуртов и не было известно их соседям? О предпочтительном использовании северными удмуртами еще в середине XVI века своих воршудных имен говорит, возможно, и указная грамота Ивана IV вятским старостам от 1551 г.: «вверху Чепцы реки вотяки обойнич и погранчи, а поннич и ворчинцы неписьменные люди» (Гришкина 1988 : 39) — видимо, воршуды Пёбья, Пурга, Бёня и Вортча, жившие на верхней Чепце (Атаманов 1980 : 7, 8, 22, 23—24).

Итак, рус. (в)от(як) следует признать словом южного происхождения, относившимся первоначально к юго-западным предкам удмуртов и заимствованным, вероятнее всего, из марийского языка.

Мар. *одо* 'удмурт' в свою очередь отражает древнеудмуртскую форму *уд(мурт)* < *odo и могло быть заимствовано из удмуртского языка в составе частичной кальки *одо-мари < *одо-морт 'человек *одо*', где первый элемент в эпоху ранних удмуртско-марийских контактов уже не имел, видимо, нарицательного значения (см. выше). Предположение об обратном заимствовании вряд ли правомерно, поскольку в марийском языке это слово не имеет иного значения.

Локализовать район ранних удмуртско-марийских контактов, в ходе ко-

торых слово *одо* попало в марийский язык, позволяют данные топонимики: на севере и северо-востоке Марий Эл и в соседних районах Кировской области встречается много топонимов на *Одо-*, в том числе около десятка средневековых городищ, называемых *Одо-илем* (мар. 'удмуртское селище'). Среди яранско-уржумских марийцев и русских бытовали предания о былом вытеснении удмуртов марийцами с правобережья Вятки, об этом же свидетельствуют сказания удмуртов племени Калмез (бассейн р. Кильмезь) о борьбе их предков с порами (удм. *пор* 'мариец') (Акцорин 1980 : 4—5; Архипов 1982 : 67; Атаманов 1982 : 123; 1988 : 10). Не исключено, что на былое проживание в названных районах именно Калмезов указывают и имеющиеся здесь топонимы с основой *калмас* (Атаманов 1982 : 124), а также топонимы, образованные как будто от названий удмуртских воршудов Коньга, Копка, Турья, Съллта — именно эти воршудные группы зафиксированы среди Калмезов и южных удмуртов (Атаманов 1988 : 83, 84).

По-видимому, у Калмезов прежде бытовало и *одо* как самостоятельное слово, а не только в составе сложного: на территории их расселения имеются по крайней мере три названия населенных мест с этой основой: с. *Удугурт* (удм. *гурт* 'деревня', офиц. *Ува-Тукля*), с. *Удугучин* (удм. *гучин* 'селище, место, где раньше было поселение') — в Увинском районе Удмуртии — и д. *Отогурт* — в Глазовском районе (Отогурт и соседние деревни окрестностей с. Парзи — по-видимому, самый северный куст былого расселения Калмезов на Чепце, откуда они позже были частично вытеснены племенем Ватка) (Атаманов 1982 : 110).⁴ Любопытно, что по крайней мере в двух из них — в Отогурте и Удугурте — проживал калмезский воршуд Тукля (Атаманов 1980 : 27).

Приведенные данные можно интерпретировать следующим образом: уже очень давно этноним **odo(-mort)* был распространен среди юго-западных предков удмуртов, живших на правом (западном, горном) берегу Вятки, на территории современных Малмыжского, Уржумского, Лебяжского, Советского, Пижанского и Яранского районов Кировской области и Мари-Турекского, Сернурского, Ново-Торьяльского, Оршанского районов Марий Эл. Примерно в IX—XI вв. (Акцорин 1980 : 4) начинается их вытеснение из этих мест предками марийцев, которые тогда же заимствуют из удмуртского языка этноним **odo*. Будучи постепенно вытесненными с правобережья Вятки, эти древнеудмуртские группы переходят на р. Кильмезь и широко расселяются в ее бассейне, проникая на север до современного Унинского района Кировской области и Глазовского района Удмуртии, а на юге — до Можгинского и Малопургинского районов Удмуртии⁵ (Атаманов 1982 : 123; 1988 : 21). Видимо, именно во время ухода с Вятки и появляется само название *Калмез*, означающее, возможно, 'остатки' — деэтимологизированная форма древнеудмуртского слова, соответствующего современному удм. *кылемез* 'остаток; оставший' (Белых 1992 : 64—68). В места своего раннего проникновения Калмезы приносят и этноним *одо* в его самостоятельном употреблении, что отразилось в приведенных топонимах. В целом же роль Калмезов в сложении удмуртского этноса была велика: они вошли в состав современных удмуртских групп большинства районов Удмуртии (за исключением северных — где расселялось племя Ватка⁶ — и восточных) (Атаманов 1988 : 21). Не удивительно поэтому, что древний этноним *одо* > *уд-* (*мурт*) получил в конце концов панудмуртское распространение и стал самоназванием консолидирующейся удмуртской народности.

Таким образом, районом, где можно с уверенностью предполагать дре-

внейшее бытование этнонима *odo-mort, является правобережье р. Вятки — ареал прежнего расселения древнеудмуртских групп, образовавших впоследствии племя Калмез. Думается, ничто не мешает и предположению о том, что этноним был издавна известен также ближайшим южным соседям Калмезов — предкам современных завятских удмуртов (шошминских, кукоморских), которые, видимо, и фигурируют в качестве (в)отяков, жителей Вотятцкой земли, в русских документах, касающихся Казанского ханства.

Ранняя локализация этнонима *odo-mort на юго-западе удмуртского ареала и предположение о связи его становления в качестве общенационального самоназвания удмуртов с миграциями древнеудмуртских групп с юго-запада согласуются с данными языкознания о формировании удмуртского языка: большинство языковых инноваций, отличающих удмуртский от языков коми, происходят, очевидно, с юга, так как объяснимы либо прямым влиянием языков южных соседей удмуртов — тюрков Поволжья, либо параллельным развитием (южно)удмуртского в едином ареале с тюркскими языками. Сюда относятся: фиксация ударения на последнем слоге (Лыткин 1957 : 106), сужение общепермского **o > u* с параллелями в татарском и чувашском языках (Кельмаков 1978 : 34), переход начального **r-* (невозможного в исконно тюркских словах) в удм. *d'ž/dž-* (Бубрих 1948 : 29), особенности синтаксиса (ОФУЯ 1976 : 209; Андуганов 1992 : 91), не говоря уж о лексике (Wichmann 1903; Csúcs 1990; Насибуллин, Ляшев 1984 : 61). Естественно, распространение языковых явлений совершенно не обязательно должно быть связано с распространением этнонима, но в данном случае это совпадение представляется неслучайным.

Не исключено, что влияние языков южных соседей на южнопермские диалекты — предки удмуртского языка — приводило к возникновению явлений, отличающих их от докоми диалектов и в более раннюю эпоху, когда южными соседями пермян были еще не тюрки, а иранцы. Проблема сепаратных пермско-иранских языковых (и этнокультурных) контактов практически очень слабо разработана⁷ — тем более любопытно указать здесь на два бросающихся в глаза явления, которые, с одной стороны, отличают удмуртский язык от коми (а также других финно-угорских и тюркских языков Поволжья), а с другой, имеют очевидные параллели в иранских языках.

Порядковое числительное 'первый' в финно-угорских языках образуется, как правило, от основы 'ранний, передний, начальный': фин. *ensimmäinen*, венг. *első*, (?)морд. *васень(це)*, коми *медводдза*, а в тюркских (и в марийском) — от основы 'один': мар. *икымше*, чув. *пёрремёш*, тат. *беренче*. Другие образования также возможны (чув. *малтанхи < малтан* 'спереди', *пуц-ламаш < пуц* 'голова', тат. *баштагы < баш* 'голова'), но сути это не меняет. В удмуртском мы имеем уникальную форму: *нырысь < ныр* 'нос' (исходный падеж) — единственное слово со значением 'первый' в языке (за исключением возможных диалектных заимствований типа слободского *первой < русского*). Единственный аналог обнаруживается в осетинском языке: осет. *ficcag* 'первый' < *finz* 'нос', причем слово это довольно позднего происхождения, оно вытеснило более раннее *radam < *fratama* 'первый' (общейранское слово) (Абаев 1949 : 165).

В соответствии с агглютинативной природой финно-угорские и тюркские языки заимствуют глаголы, добавляя к заимствованной основе необходимые аффиксы: (формы инфинитива) *жарить > мордЭ жарямс, мордМ жарендамс, мар. жаритлаш, коми жаритны, чув. шарикле; электризовать > мордЭ электризовамс, мордМ электризовандомс, мар. электризоватлаш,*

коми электризуйтны, чув. электризацияле, тат. электрлау. Удмуртский (литературный⁸) язык дает, однако, иные примеры: (инфинитив) *электризовать карыны, демократизировать карыны, гальванизовать карыны* — с глаголом *карыны* 'делать' в качестве спрягаемой части (напр. *мон служить карисько* 'я служу', *со служить кариз* 'он служил' и т.д.). Сравните новоперсидские формы *gālvānize kārđān, demokrātize kārđān, elektrize kārđān* (Восканян 1986 : 103, 128, 799) — те же глаголы, состоящие из заимствованной французской основы-инфинитива и спрягаемой части — *kārđān* 'делать' (этот глагол в новоиранских языках вообще широко употребляется в глагольном словоизменении). Здесь примечательно не только типологическое, но и материальное сходство: удм. *kar-* 'делать', коми *ker-* то же < иран.: авест. *kar-* 'делать', др.-перс. *kar-* то же, перс. *kār-* то же и т.д. (Joki 1973 : 267).

Итак, есть основания полагать, что этноним **odo-mort*, ставший самоназванием удмуртов, бытовал первоначально (и возник ?) среди групп, живших на юго-западной окраине пермского ареала и наиболее интенсивно контактировавших с южными соседями — тюрками и иранцами. Вероятно, в результате контактов сформировались специфические собственно удмуртские черты языка южных пермян, которые постепенно распространились на территорию сегодняшнего обитания удмуртов: аналогичным образом на этой территории мог получить распространение и общий этноним.

Такой вывод позволяет предположить заимствованное — тюркское или иранское — происхождение имени **odo*. Оно тем более вероятно, что ряд названий финно-угорских народов Поволжья являются иранскими по происхождению: *мары* (самоназвание марийцев), *меря* и (?) *мурома* русских летописей (*Merens* Иордана) < иран.: авест. *mairya* 'юноша, член воинского союза', др.-перс. *marika* 'подданный, член воинского союза', др.-инд. *mārya* 'юноша' (Décsy 1965 : 236; Joki 1973 : 280); *мордва* (*Mordens* Иордана) < (?) морд. *мирьде* 'мужчина, муж', удм. *мурт* 'человек' (то же — в самоназвании *удмурт*), коми *морт* 'человек' (то же — в самоназвании *коми морт*) < иран.: авест. *marata* 'человек, смертный' и т.д. (Décsy 1965 : 236; UEW 702); морд. *эрзя* (самоназвание) (возможно — *Arisu* в письме кагана Иосифа) < иран.: др.-перс. *arša(n)* 'мужчина, самец, герой, бык' (Décsy 1965 : 232).

Думается, приведенные предварительные замечания позволяют предложить две этимологии для древнеудм. **odo*, причем вторая представляется более предпочтительной.

1. Тюрк. **ant* 'клятва (в верности), присяга': куман., чагат. и др. *ant* то же, др.-тюрк., турец., караим. *and* то же, тат. *änt* то же и т.д., монг. *anda* 'клятва, присяга' (> тунг. *andagi* 'товарищ, друг') (Räsänen 1969 : 20) > древнеудм. **ont* > **od*, отсюда **ods-mort* 'человек клятвы, присягнувший на верность'. Этимология, однако, вызывает возражения как фонетического (древнеудмуртская форма реконструируется как **odo*, а не **od* — см. выше, тюркские же языки повсеместно дают консонантный ауслат; возможна, однако, суффиксация в древнеудмуртском: **ont-a* > **od-o* 'с клятвой, обладающий клятвой' — типа удм. *вало мурт* 'лошадный человек, имеющий лошадь', *вал* 'лошадь'), так и историко-семантического рода (у нас нет свидетельств о том, что какие-то удмуртские группы до IX—XI вв. были связаны с какими-либо тюрками присягой, находились в союзнических отношениях). Кроме того, конструкция **od(o)-mort* заставляет предполагать, что в древнеудмуртском было известно слово **od* 'клятва, присяга' — в современном удмуртском языке такого слова нет.

2. Иран. **anta*: осет. *äddä, ändä* 'снаружи, вне', авест. *añtama* 'крайний', др.-

инд. *ánta* 'близкий, последний, край, предел, граница', *antamá* 'последний, крайний', *ántama* 'ближайший, соседний' — ср. также нем. *Ende* 'конец', др.-греч. *ἀντί* 'против', латин. *ante* 'до, перед, напротив' (Абаев 1958 : 103—105; Кочергина 1987 : 47—48) > др.-удм. *anta > *odo. Вполне допустимо заимствование всего композита: иран. *anta-marta > др.-удм. *odo-mort 'житель пограничья, окраины' — что объясняло бы и отсутствие нарицательного значения у удм. *одо*, и наличие в реконструируемой форме и в топонимах огубленного **-o* во втором слоге, вряд ли возможного в абсолютном исходе слова в прапермском (а именно о прапермском должна идти речь, если имеются в виду контакты с иранцами). Фонетически соответствие безупречно. С точки зрения семантики показательно др.-инд. *ánte-vāsa* 'сосед, союзник' (букв. 'соседнее жилище') (Кочергина 1987 : 48). Возможно, на использование этого слова для именованья жившего на границе степной зоны населения ираноязычными жителями нижнего Поднепровья указывает этноним *анты* (Седов 1988 : 79). С типологической точки зрения ср. *Украина, украинцы*. Находившиеся в тесных контактах с ираноязычными жителями степей-лесостепей Среднего Поволжья южные пермяне могли еще в древности (до IV—VI вв. н. э.) заимствовать иранский термин *anta-marta > *odo-mort 'житель окраины, пограничья; сосед' и начать называть себя так — в отличие от северных соседей-пермян. Поскольку слово *мурт* имело нарицательное значение, этноним воспринимался как композит, что привело к тому, что его первый элемент мог использоваться отдельно — но не в своем исконном значении 'край, граница', не известном пермянам, а исключительно как показатель этнической принадлежности — 'удмурт', 'удмуртский' — и сохранился в нескольких топонимах и мар. *одо*.

Как видим, возможности альтернативного объяснения этнонима *удмурт* отнюдь не исчерпаны. Не исключено, что в дальнейшем будут предложены и другие этимологии, и трудно сказать, какая окажется в конечном счете верной: «Наука вечна в своих источниках, неизмерима в своем объеме, безгранична в своих задачах, недостижима в своей конечной цели» (К. Э. фон Бэр).

Возможно, аргументация данной статьи может показаться слишком сложной и многоступенчатой. Нас это, однако, не смущает: времена простых этимологий безвозвратно прошли.⁹

Примечания

¹ Ссылаются при этом на Ф. И. Гордеева, между тем этимология предложена еще Б. Мункачи, о чем упомянуто, в частности, в словаре М. Фасмера (1986 : 359), но не была принята финно-угроведами.

² Гораздо более последовательна в этом отношении точка зрения С. К. Бушмакина, согласно которой все удмурты причисляют себя к большому племени *уд* 'росток' (1970 : 168).

³ Остается, к сожалению, незамеченной в уралистике интересная попытка В. Блажека сопоставить первый компонент самоназвания удмуртов с самоназванием юкагиринов *uadul / odul* < *andu-l с дальнейшим возведением их общей праформы *antV к слову со значением 'человек' в ностратических языках: др.-греч. *ἀνθρωπος*, хетт. *antuḫša* 'человек', кушит. **handir / *hendar* 'муж, самец, человек, господин' или кушит. **and / *and* 'люди, племя', монг. *anda* 'присяга, клятва', тюрк. *and* то же (Blažek 1990 : 263—264). Мы далеки от того, чтобы принять гипотезу В. Блажека, однако обсуждение приведенного им материала было бы бесполезно.

⁴ Заметим, что облик этих топонимов указывает на древнюю основу *odo с *-o в ауслауте. Более архаичная форма (без *o > *u) oto < *odo (*Ототурт*) сохранилась на севере, возможно, вследствие заимствования этого названия удмуртами Ватка у Калмезов.

⁵ «Период XIII—XVI вв. был в этническом отношении для удмуртов очень важен. В результате соприкосновения удмуртов на Вятке вначале с марийцами, а затем с русскими они стали отходить в глубинные районы края. Происходит смешение и разрушение старых исторически сложившихся этнических объединений, существовавших на прежних местах» (Владыкин 1969 : 11—12).

⁶ Возможным свидетельством контактов Ватка с пришельцами -одо является и зафиксированный у северных удмуртов «антропотопоним» (скорее всего — название патронимической группы и конца деревни, где эта группа обитала) *Одопи* букв. 'сын *Одо*; потомки *Одо*' (Атаманов 1990 : 269).

⁷ Единственная статья, посвященная этой проблеме и написанная языковедом (Лыткин 1975), является по материалу и сути пересказом работы А. Й. Йоки (Joki 1973), предметом внимания которого сепаратные пермско-иранские контакты специально не были.

⁸ Естественно, в живой удмуртской речи возможны формы типа *электризоватьтыны*, *демократизоватьтыны* и т.п., некоторые даже вошли в словарный фонд литературного языка (*удалтыны* 'удастся, уродиться', *печатланы* 'печатать' и др.), однако литературная норма с глаголом *карыны* отражает все-таки господствующую тенденцию удмуртского языка.

⁹ Тем более — в области этнонимии. См., например, блестящую этимологию слова *самату* (самоназвание тундровых энцев) у Е. А. Хелимского (1981 : 119—121).

Сокращения

авест. — авестийский; **караим.** — караимский; **куман.** — куманский; **кушит.** — кушитские; **латин.** — латинский; **осет.** — осетинский; **перс.** — новоперсидский; **тунг.** — тунгусский (эвенкийский); **тур.** — турецкий; **хетт.** — хеттский; **чагат.** — чагатайский. **ОФУЯ** — Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки, Москва 1976; **УРС** — Удмуртско-русский словарь, Москва 1983.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В. И. 1949, Осетинский язык и фольклор, Москва—Ленинград.
 — 1958, Историко-этимологический словарь осетинского языка, том I, Москва—Ленинград.
 Акцорин В. А. 1980, Исторические легенды и предания о контакте марийцев с предками коми. — Вопросы марийского фольклора и искусства, Йошкар-Ола, 3—13.
 Андуганов Ю. В. 1992, Причины сохранения прауральского облика в синтаксисе удмуртского и марийского языков. — Вопросы диалектологии и истории удмуртского языка, Ижевск.
 Архипов Г. А. 1982, Марийско-удмуртские этнокультурные связи. — Материалы по этногенезу удмуртов, Ижевск, 63—71.
 Атаманов М. Г. 1980, Микроэтнонимы удмуртов. — Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимии, Ижевск, 3—66.
 — 1982, Из истории расселения воршудно-родовых групп удмуртов. — Материалы по этногенезу удмуртов, Ижевск, 81—127.
 — 1988, Удмуртская ономастика, Ижевск.
 — 1990, Удмурт нимбугор, Ижевск.
 Белых С. К. 1992, Об этнониме «калмез». — Вордском кыл, № 2, Ижевск.
 Борисов Т. К. 1991, Удмурт кыллюкам, Ижевск.
 Бурбах Д. В. 1948, Историческая фонетика удмуртского языка, Ижевск.
 Бушмакин С. К. 1970, Воршудные имена — микроэтнонимы удмуртов. — Этнонимы, Москва, 168—176.

- Владыкин В. Е. 1969, Очерки этнической и социально-экономической истории удмуртов (до начала XX века). Автореферат канд. дисс., Москва.
- 1970, К вопросу об этнических группах удмуртов. — Советская этнография, № 3, Москва, 37—47.
- Владыкин В. Е., Христолюбова Л. С. 1991, Этнография удмуртов, Ижевск.
- Восканян Г. А. 1986, Русско-персидский словарь, Москва.
- Генинг В. Ф. 1970, История населения удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху, часть I. Чегандинская культура, Ижевск.
- Гордеев Ф. И. 1965, Ирано-тюркские заимствования в марийском языке. — Тезисы научной сессии по этногенезу марийского народа, Йошкар-Ола, 25—29.
- 1967, Балтийские и иранские заимствования в марийском языке. — Происхождение марийского народа, Йошкар-Ола, 180—203.
- Гришкина М. В. 1988, Служилое землевладение арских князей в Удмуртии XVI — первой половины XVIII веков. — Проблемы аграрной истории Удмуртии, Ижевск.
- Гришкина М. В., Владыкин В. Е. 1982, Письменные источники по истории удмуртов IX—XVII вв. — Материалы по этногенезу удмуртов, Ижевск, 3—42.
- Даль В. И. 1989, Толковый словарь живого великорусского языка, том 2, Москва.
- Егоров В. Г. 1953, К вопросу о происхождении чуваш и их языка. — Записки Чувашского НИИЯЛИ при СМ ЧувАССР, вып. 7, Чебоксары.
- Епифаний Премудрый 1993, Житие Стефана Пермского. Пер. Г. И. Тираспольского, Сыктывкар.
- Закиев М. З. 1985, Волжские татары — по-марийски *суасы*, по-удмуртски *бигеры*. — К формированию языка татар Поволжья и Приуралья, Казань.
- Иванов А. Г. 1991, Удмурты — «луговые люди» (к этимологии этнонима). — LU XVII, 188—192.
- Кельмаков В. К. 1970, Происхождение и первые упоминания этнонима *ар*. — Этнонимы, Москва, 189—193.
- 1978, К вопросу о «двух о» в праудмуртском языке. — СФУ XIV, 20—40.
- Кочергина В. А. 1987, Санскритско-русский словарь, Москва.
- Лыткин В. И. 1957, Историческая грамматика коми языка, часть I. Введение. Фонетика, Сыктывкар.
- 1964, Этимологии некоторых марийских слов: марийское название удмуртов. — Вопросы марийского языкознания, вып. I, Йошкар-Ола, 60—62.
- 1975, Пермско-иранские языковые контакты. — ВЯ, № 3, 84—97.
- Мокшин Н. Ф. 1978, Мордовское название чувашей. — СФУ XIV, 281—282.
- Мухамедова Р. Г. 1978, Чепецкие татары (краткий исторический очерк). — Новое в этнографии татарского народа, Казань.
- Насибуллин Р. Ш., Ляшев В. А. 1984, Лингвогеографический аспект в пермской лексикологии. — Вопросы лексикологии и словообразования, Сыктывкар, 55—66.
- Седов В. В. 1988, Анты. — Исчезнувшие народы, Москва.
- Смирнов И. Н. 1890, Вотяки. Историко-этнографический очерк, Казань.
- Сысоева М. В. 1967, Первые письменные сведения об удмуртах. — Вопросы финно-угорского языкознания, Ижевск, 294—309.
- Тараканов И. В. 1993, Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи. Теория и словарь, Ижевск.
- Фасмер М. 1986, Этимологический словарь русского языка, Москва.
- Хайду П. 1985, Уральские языки и народы, Москва.
- Хелимский Е. А. 1981, Этимологические заметки по энецкой ономастике. — СФУ XVII, 119—130.
- Чуваши. Этнографическое исследование, Чебоксары 1956.
- Vlažek, V. 1990, K tipologii pomenování "člověka" v indoevropských jazycích (v nostratickém kontextu). — Slavia, Tomus 59, № 3, Praha.
- Csúcs, S. 1990, Die tatarischen Lehnwörter des Wotjakischen, Budapest.
- Décsy, Gy. 1965, Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, Wiesbaden.
- Jahunen, J. 1977, Samojedischer Wortschatz, Helsinki.
- Joki, A. J. 1973, Uralier und Indogermanen, Helsinki (MSFOu 151).
- Munkácsi, B. 1896, A votják nyelv szótára, Budapest.

- Radanovics, K. 1963, Über die Ursprung einiger finnisch-ugrischer Völkernamen. — CIFU I, 98—104.
- Räsänen, M. 1969, Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen, Helsinki.
- Wichmann Y. 1903, Die tschuwassischen lehnwörter in den permischen sprachen, Helsinki (MSFOu 21).
- 1987, Wotjakischer Wortschatz, Helsinki.

S. K. BELYCH, V. V. NAPOLSKICH (Iževsk)

FOLK NAME *udmurt*: IS THE ALTERNATIVE EXHAUSTED?

The authors argue the etymology of the first part of the folk name *udmurt* (*odo) suggested by K. Rédei (*udmurt* 'meadow man') because of its too nebular background. Pointing out the most ancient presence of this folk name among the southern-westernmost groups of the Udmurts (Kalmez tribe), who are supposed to have spread later all over the Udmurt area and brought specific "Udmurt" features of the language and the name *odo with them, the authors suggest two alternative etymologies of this name: 1) Turcic *ant 'oath' > *udm*. *od-mort > *udmurt* 'people of oath, allies'; 2) Iranian *anta-marta > *udm*. *odo-mort > *udmurt* 'frontier people, people of outlying region; neighbour'. The second etymology is thought to be more probable.